

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-6-469-476

Дата принятия рукописи в печать: 29.06.2026 г.

ТАРАСОВА Юлия Николаевна,
доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин
Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»
им. В.М. Лебедева,
кандидат психологических наук,
г. Санкт-Петербурга, Россия,
SPIN-код: 3254-3032, AuthorID: 448519,
e-mail: jutarasova@yandex.ru

САВЧУК Алина Васильевна,
студентка 2 курса бакалавриата
Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»
им. В.М. Лебедева,
e-mail: savchuk2006alina@mail.ru

ЛИЧНОСТЬ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЭКРАНА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. Актуальность темы статьи обусловлена стремительным развитием цифровых технологий в различных сферах социальной жизни: экономика, право, образование, межличностная коммуникация, творчество и необходимости человеку искать способы адаптации в новой цифровой реальности. В социальных науках обсуждаются вопросы новой личностной идентичности, самовосприятия и формирования новых символов и ценностей. Особого внимания требуют вопросы безопасности личности в цифровой среде, включая нормативное регулирование и общественный контроль.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровая личность, цифровой эскапизм, цифровая реальность, правовое регулирование цифровых технологий.

TARASOVA Yulia Nikolaevna,
Associate Professor of the
Department of General Theoretical Legal Disciplines
of the Northwestern Branch of the
Lebedev Russian State University of Justice,
Candidate of Psychological Sciences,
St. Petersburg, Russia

SAVCHUK Alina Vasilyevna,
2nd year undergraduate student
Northwest Branch of the Lebedev
Russian State University of Justice

PERSONALITY BEYOND THE SCREEN: PSYCHOLOGICAL AND LEGAL PROTECTION MECHANISMS IN THE DIGITAL AGE

Annotation. The relevance of the topic of the article is due to the rapid development of digital technologies in various spheres of social life: economics, law, education, interpersonal communication, creativity and the need for a person to look for ways to adapt to the new digital reality. The social

sciences discuss issues of new personal identity, self-perception, and the formation of new symbols and values. Personal security issues in the digital environment, including regulatory regulation and public control, require special attention.

Key words: *digital technologies, digital personality, digital escapism, digital reality, legal regulation of digital technologies.*

Технологии и личность

В современном «цифровом» мире трудно обойтись без технологических средств коммуникации, будь то смартфон или ноутбук. Также почти каждый человек имеет свой цифровой профиль в том или ином мессенджере, некоторые из нас часами сидят за экраном, забываясь в «промотывании» ленты новостей и ночных переписках с друзьями и коллегами. Действительно, подобные технологии позволяют значительно облегчить жизнь, общение и работу, особенно в дистанционном формате, но с другой стороны они способны оказывать негативное влияние на психику и процесс формирования человеческой личности. Новое, виртуальное неизведанное пространство, не имеющее материальных границ, стало особенно привлекательным для молодежи, однако именно в молодежной среде проявились и сложности в противостоянии соблазнам, и попыткам контроля потерять себя в «иной реальности». Специалисты в области социальных наук первыми стали искать способы защиты личности от подобных результатов цифровизации, так как обратили внимание на формирование новых личностных характеристик, новых форм поведения людей не только при использовании интернет технологий, но и в обыденной жизни.

Смыслы и образы цифровой личности

С распространением коммуникаций и трансакций с использованием цифровых технологий и, в частности, дистанционного доступа к услугам и работе с информацией, появилась потребность применять новый вид идентичности субъекта действия. Так появился новый термин «цифровая личность» (digital identity) [24], как общая характеристика новой идентичности субъекта, как метафора «особенностей бытия человека в мире цифровых технологий» [17].

В психологии личностная идентичность рассматривается как результат активного процесса формирования представления субъекта о себе, усиления личностной определенности, тождественности и целостности. Целостность самовосприятия позволяет субъекту воспринимать свою жизнь как связную последовательность действий, изучать окружающий мир и самого себя в этом мире, осознавать свои истинные потребности и возможности [6].

В философии идентичность связывается с ролью мыслящей субстанции «cogito», отчетливо

прослеживается связь понятий идентичности и тождества в представлении субъекта о самом себе. Каждая культурно-историческая эпоха вносила свою идею в понятие идентичности (тождества). Так, античные философы (Аристотель, Платон, Сократ) указывали на связь тождественности и поведения в обществе – от морального выбора отдельного поступка до нахождения своего места в мире. Декарт помимо роли мышления («cogito») в процессе самопознания отмечал роль чувств, воображения и воли. Ф. Шеллинг развивал «философию тождества», где отводил мышлению роль познания универсальных связей всего со всем (абсолюта). Философы экзистенциалисты признавали за личностью право самоотождествления себя с высшим началом в динамике жизненных поисков и кризисов. С развитием глубинной психологии и психоанализа (З. Фрейд, К.Г. Юнг и др.) вопросы идентичности и тождественности расширились за границы осознанного самовосприятия, самопонимания. Важная роль стала отводиться поиску баланса между животными (биологическими) импульсами и социальными правилами и нормами.

В современной науке феномен личностной идентичности исследуется в логико-методологическом, социально-философском, историко-философском ракурсе. Так, В. Марченко предлагает исследовать данную тему в социально-философском контексте как «идентичность-тождество-единство» [11]. Свою трактовку цифровой идентичности А. Кондаков и А. Костылева дают в рамках новой смысловой тождественности – как «процесс создания индивидом своей цифровой проекции (следа) в сети, который включает в себя весь комплекс данных о человеке в Интернете» [8, с. 208, 210].

Таким образом, наблюдается тенденция к поиску тождественности личности за пределами телесной и психической реальности и выходу в виртуальный мир через цифровые инструменты. Этот процесс можно наблюдать через предъявление субъектом себя миру с помощью множества ситуативных имен и образов, определяемых социальным контекстом и личными потребностями. В официальных аккаунтах, в системе государственных служб личность обозначает себя (часто вынужденно) именем, подтвержденным документально (юридически). В свободном общении существует возможность вариативности, в том числе, ситуативной идентичности. Такое сочетание

позволяет в случае необходимости подтвердить права и обязанности конкретной личности, но также и проявить творчество в самопрезентации и самоощущении.

Ранее, вариативность в самоидентичности можно было наблюдать лишь в творческой среде писателей, художников, музыкантов. Так, мы хорошо знаем имена-псевдонимы Рафаэля, Боттичелли, Стендаля, Жорж Санд, Анны Ахматовой, Корнея Чуковского, Мэрилин Монро, Софи Лорен, Элтона Джона, Бэнкси и многих других. Особенно широкое распространение получила новая идентичность у современных рэпер исполнителей.

А. Крайнов указывает, что создание «удачного» социального образа, поддерживаемого высокой рыночной стоимостью продаваемой модели, «позволяет современному человеку успешно самореализоваться как в виртуальном пространстве, так и в реальном мире» [9]. Г. Солдатова для описания процесса овладения социальным опытом в онлайн-контекстах и воспроизводства этого опыта в смешанной офлайн/онлайн-реальности использует понятие «цифровой социализации». В данной среде личность расширяется и трансформируется, «достраивается» за счет устройств, программ и способов их использования [15, с. 431-432]. «Новая нормальность», формирующаяся под влиянием экономических и социальных изменений, порой создает субъекту иллюзию свободного выбора, но в реальности создавая ему еще более жесткие рамки и ограничения.

Современные исследования в области метафор цифровой идентичности подтверждают эти социальные ограничения, постепенно закрепляющие заданную социумом оценку себя и своей социальной роли. Так, мы уже практически без критики используем такие метафоры как digital world (цифровой мир), digital footprints (цифровые следы), metaverse (мета-вселенная), digital nomads (цифровые кочевники), generation Alpha (поколение альфа), digital detox (отдых от интернета), cyberstalking (виртуальное преследование) и многие другие [19, с. 33-35]. Кстати, некоторые метафоры, например, метафоры обозначения разных возрастных групп (поколений), принуждают личность «вписывать» себя в определенные возрастные и поведенческие рамки.

Многие современные психологи пытаются переосмыслить идею формирования личности Льва Выготского не только через социальную систему, культурно-исторический контекст, но и предлагают включить в контекст формирования современной личности технологические системы [22]. Так, О. Персидская выделяет несколько типов идентичности в зависимости от погруженности в цифровую среду: «человек с достроенным разу-

мом», «человек с цифровой телесностью», «человек алгоритмический», «человек возвращающийся» [12, с. 63-64].

Подобная новая идентичность с учетом цифровой среды может открывать новые творческие горизонты для личности, но может и приобрести патологические формы. То есть, одна и та же личность в цифровом мире демонстрирует силу, активность, порой цинизм, будучи в быту инфантильным и не приспособленным к повседневным бытовым трудностям. Для таких внутренне противоречивых индивидов цифровой мир позволяет чувствовать большую свободу, и даже безнаказанность за счет анонимности. Более сложной и опасной деформацией становится трансформация идентичности с преимущественным проживанием своей жизни в цифровой реальности и потерей реальных социальных контактов.

Отдельного внимания заслуживает идентичность по типу тотальной зависимости от цифровой среды, где система ценностей субъекта формируется под влиянием внешних оценок и комментариев. В поиске позитивного поведенческого подкрепления (лайков) такие люди создают сценарии собственной жизни, далеко не всегда позитивные. Деструктивность данной идентичности заключается в потере собственной мотивации, целеполагания и подмене их инородными знаковыми символами и побуждающими силами. Одновременно с этим деформируется и понятие самооценки, возникающих под влиянием внешних смысловых установок и оценок.

Формируемая цифровая гиперпривязанность и неограниченная взаимосвязанность индивида с цифровой средой влияет на самоощущение человека, на появление новых способов формирования, развития и саморегуляции личности [24]. В частности, Р. Брубакер отмечает, что с раннего возраста формируются особые паттерны потребления, основанные на выработке гормона дофамина, с помощью рекламы, геймификации покупок и алгоритмического таргетинга. Дж. Чейни-Липпольд подчеркивает роль негативного влияния цифровой среды на формирование идентичности через алгоритмы «измеримых типов», когда пользователи классифицируются на основе поведенческих данных и цифровых образов, которые могут и не совпадать с представлениями людей о самих себе [23].

В качестве защитной психической реакции представители социальных наук фиксируют, явление цифрового эскапизма. Как социально-культурное явление эскапизм известен более ста лет в литературе через описание бегства героя (как от мира, так и от самого себя), начиная с работ Р. Хайлмана. Так, Е. Труфанова в своем исследовании описываемого социального явления приводит

множество примеров эскапизма не только как формы социальной девиации, но и как направления поиска героем любви, признания, душевного покоя и своего места в мире в широком смысле. К середине XX века данное понятие стало использоваться в описании политических, исторических и иных явлений. Постепенно оформилось и отношение к данному понятию, в основном в негативном смысле как «бегство от реальности».

Однако, как любое явление, эскапизм в форме защитной реакции психики на стрессовые воздействия, может играть и позитивную роль. Особенно в кризисные периоды жизни человеку в поиске решений «quaesitor homo» [27] свойственно выходить за рамки привычного, признанного социальным большинством форм мышления и поведения. Современные исследователи психической травмы (Д. Калшед, Э. Тик, Дж. Игл и др.) указывают на поиск ресурсов психики именно за рамками принятых стереотипов. Подобные явления описаны В. Франклом Э. Фроммом и многими другими психологами как лиминальное состояние, состояние перехода.

По мнению В. Тэрнера, творческие люди, как и пророки, многих из которых считают маргиналами, стремятся избавиться от статусных социальных ограничений, зачастую выбирая жизнь в воображаемой реальности, с воображаемыми собеседниками, единомышленниками по духу и ценностям. Тернер предлагает рассматривать их «пограничность» как свойственное особо чувствительным людям предчувствие будущего, еще не оформленное структурно [17].

Но есть и другая сторона данного социального явления, носящая скорее негативный характер. Это также своего рода социальная девиация, выраженная в стремлении скрывать себя, свое настоящее лицо, образ и характер от людей в процессе коммуникации. И здесь цифровая реальность позволяет субъекту выбирать любую роль: не проявляя личной активности, быть только наблюдателем «чужой жизни», не выдавая себя публично. Для этого используются всевозможные образы, ники (никнеймы)¹. При регистрации в социальных сетях предусмотрена такая анонимность, смена имен, представление себя в разных цифровых пространствах под разными именами.

По мнению британского социолога З. Баумана в цифровом мире нарушился привычный баланс «между общественным и частным, за счет которого поддерживалась устойчивость социального порядка» [4, с. 8]. Поощряемая социумом уже

длительное время индивидуализация, потакание мотивации потребления в противовес производству общественных благ, в цифровой среде привела к отражению личных интересов во множественных визуальных символах, вербальных формах, числовых последовательностях. При этом виртуальный образ может кардинально отличаться от реального образа личности, что позволяет обеспечить скрытность личных данных в контексте онлайн-коммуникации. Бауман наблюдает тенденцию социума к фрагментации, центробежные силы, подкрепляемые экономическими, политическими и иными факторами, ведут к потере контроля государственных структур над социальными процессами.

Мы фиксируем в современной жизни, что большое преимущество получили специалисты IT сферы, владеющие специализированными цифровыми компетенциями, их влияние на общество в цифровой среде стало столь привлекательным, что повлияло, в том числе, на систему образования и выбора профессиональной деятельности. В публичной сфере появились новые влиятельные социальные группы: блогеры, лидеры общественного мнения. Их деятельность позволила им получить доступ не только к инструментам психологического воздействия на общество, но и к материальным ресурсам через систему рекламы.

В цифровом мире стала проявляться новая форма идентичности и новая форма психологической зависимости. Альтернативная коммуникация позволяет подбирать социальные образы, опираясь на ситуативную выгоду и результативность. Психология субъектов меняется в сторону кратких, не обязывающих отношений, ориентированных на материальную выгоду и возможность психологического влияния. Так, мы наблюдаем раскручивание нарративов нового мира VUCA, BANI, SHIVA², нелинейного, полного непредсказуемости и нестабильности. Постепенно жизнь, обучение и профессиональная деятельность стали перемещаться в виртуальное пространство взаимодействия, стали меняться жизненные ценности и приоритеты. Общество стало разделяться на более активную часть, продвигающую путь к успешности, знаменитости и другую – людей, не готовых перемещать большую часть своей активности в виртуальный мир, стремящихся сохранить приватность. И те, и другие стали использовать новую идентичность, но с разными целями. Одни, чтобы

¹ Ник, Никнейм представляет собой уникальное имя пользователя, которое используется в играх, чатах и социальных сетях. – URL: <https://famiry.ru/database/glossary/nik?ysclid=moyac0mhbj796175052> (дата обращения 08.05.2026)

² Дизайн мышление, способы управления энтропией быстро изменяющегося мира. Один из авторов – футуролог Ж. Кашио. – URL: <https://www.vokrugsveta.ru/history/mir-v-trekh-abbreviaturakh-chtotakoe-konceptii-vuca-bani-i-shiva-i-kak-oni-opisyvayut-nestabilnuyu-realnost-id6854256/?ysclid=moyf7u0mje851820992> (дата обращения 08.05.2026)

максимально быстро и выгодно реализовать свои цели, другие, чтобы спрятаться и иметь возможность наблюдать за жизнью публичных личностей.

Кто же является в современную цифровую эпоху более счастливым и благополучным? Изучением вопросов «психологического благополучия» занимались зарубежные исследователи Н. Брэдберн, П. Уорр, А. Кэмпбелл, Э. Динер, К. Рифф; отечественные психологи А. Леонтьев, Л. Куликов, О. Копина, М. Аргайл, Л. Карапетян, И. Стрелков и другие. Так, Солдатова Г.У. с соавторами, исследуя степень благополучия в разных возрастных детских и подростковых группах, обнаружили, что менее половины старших подростков с чрезмерной пользовательской цифровой активностью удовлетворены общением с родителями и учителями, они же чаще выражают недовольство и другими сферами своей жизни. То есть, подростки, хорошо овладевшие цифровыми компетенциями, однако, менее уверенно и безопасно чувствуют себя в реальной жизни [16, с. 162, 167, 169].

Н. Чичерина и С. Стрелкова подчеркивают зависимость формирования цифровой идентичности от признания анонимных других, под их влиянием и постоянным оцениванием. Можно высказать предположение, что эти «другие» как раз и есть ситуативно успешные люди, активно демонстрирующие и продвигающие свою успешность в цифровой среде [19, с. 32].

Психологическая диффузия и правовая реальность

В случаях проявления «цифровой зависимости»¹, как отмечает Манфред Спитцер, центр тяжести личности постепенно перемещается в виртуальное пространство. Своеобразным механизмом, запускающим добровольно-неосознанную передачу полномочий от реального «Я» к цифровому двойнику становится психоэскапизм. Одним из факторов, влияющих на формирование сильной зависимости от гаджетов, Г. Шакирова выделяет потребность в риске, наличие искусственных потребностей, эмоциональную неустойчивость, импульсивность, акцентуации характера [20]. Ряд авторов обнаруживают у интернет-зависимых также признаки социальной дезадаптации: потеря смысла, неспособность к выстраиванию гармоничных межличностных и деловых отношений и др. [10].

Подменой устойчивых отношений становится ситуативная успешность любой ценой, как, например, у блогеров, создающих свою успеш-

ность в цифровом пространстве через формирование гипертрофированного негативного образа («короли хайпа»). Они часто используют оскорбления, физическую агрессию, рекламируя продукцию и услуги, включая видеоигры, фильмы, квесты и т.д. Так, одна из блогеров предлагает к просмотру фильм «Deadly Influence: The Social Media Murders» (Смертельное влияние: Убийства в социальных сетях), сопровождая такими словами: «Социальные сети - новый Дикий Запад и там любой может сойти с ума от золотой лихорадки, оказаться убитым или превратиться в убийцу» [28]. К сожалению, подобные «острые эмоции» находят отклик не только у молодежи, но и у взрослых людей. Н. Карнеги и К. Андерсен определяют онлайн-игры как соревновательные и манипулятивные. Вовлеченность в ролевую игру, по их мнению, может влиять на моральную чувствительность, негативные поведенческие примеры вызывают нездоровую фантазию и желание повторить их в реальной жизни [21].

Просмотр сцен насилия ведет к допущению реального насилия среди школьников. Так, казанский стрелок Ильназ Галявиев, учился на программиста (9 убитый, 21 раненый); В Челябинске толпа молодых людей ворвалась в компьютерный клуб, чтобы наказать геймера из-за оскорблений в соцсетях; Владимир из Уфы использовал для нападения пластиковую копию АК-47 с резиновыми пулями, все действия записывал на видео.

Еще один аспект цифровизации, требующий правового регулирования и социально-психологического осмысления, это идентичность социальной цифровой личности. Так, Л.Г. Ефимова описывает одно из значений данного понятия как «совокупность данных о конкретном лице, позволяющих его либо идентифицировать (цифровой паспорт), либо представить себя определенному сообществу лиц, взаимодействующих в киберпространстве (цифровая визитка)». Она же указывает на необходимость рассматривать цифровую личность в совокупности цифрового профиля и цифрового следа [5, с. 34]. Цифровые профили существуют не только в отношении отдельных субъектов, но и организаций. Например, в сфере финансов цифровые инструменты нацелены на оптимизацию бизнес-процессов и взаимодействие с потребителями услуг [3, ст. 8]. Как отмечают экономисты, переход на новый технологический уклад требует решения вопросов обеспечения кибербезопасности сетей и облачных хранилищ, обслуживания роботов, генеративного ИИ, сохранения данных умных медицинских устройств.

Исходя из выше изложенного, необходимо по-новому осуществлять правовое регулирование социальных отношений в цифровой среде. В. Демкин указывает также на необходимость реали-

¹ Поведенческая зависимость, характеризующаяся чрезмерным использованием цифровых технологий. В МКБ-11 выделяется игровая зависимость как вид аддиктивного расстройства поведения

зовывать защиту прав человека в цифровой среде, среди которых право на доступ в Интернет, право «быть забытым», право на переносимость данных, право на «цифровую смерть», право на «технологическое равенство» [6, с. 516].

Стоит отметить, что российское законодательство постепенно формирует принципы взаимодействия в условиях развития цифровых технологий и установления связей между виртуальными образами человека и реальными людьми. Так, в рамках предпринимательской деятельности, согласно п.4 ст. 15 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» предусмотрена обязательная идентификация личности, организаций, использующих информационно-телекоммуникационную сеть при осуществлении предпринимательской деятельности, включая биометрические персональные данные (ст.8) [1]. В сфере защиты от деструктивного контента и профилактики киберпреступности в последнее время наблюдается общемировая тенденция ограничения доступа детей и несовершеннолетних в интернет. Правительство РФ внесло в Государственную Думу ряд законодательных мер по защите граждан от онлайн- и телефонных мошенников. Одним из предложений является ограничение количества виртуальных SIM-карт, выделяемых одному гражданину РФ [2].

Выводы

Учитывая множество значений понятия «цифровая личность», по нашему мнению необходимо использовать идею реальной, но специфически построенной личности человека, которая может условно расщепляться на личность, живущую в материальном мире и на личность, ассоциирующую себя с цифровым миром. Можно использовать и такой подход, при котором цифровая личность может быть основой формирования привычной для нас личности материального мира, либо полностью замещаться на виртуальную.

Но следует учесть, что даже самое развитое государство и совершенное законодательство не сможет защитить человека, если его внутренние психологические механизмы не готовы к взаимодействию с цифровой средой. Таким образом, защита от негативного проявления «цифровой личности» требует синтеза двух подходов: правового ограничения в сочетании с формированием стабильной социальной идентичности.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/9ab7abe2b9fe407f507610f7e6e14a951d575585/ (дата обращения: 14.04.2026).

[2] Федеральный закон от 8 августа 2024г. № 303-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/409494213/> (дата обращения: 08.05.2026).

[3] Федеральный закон от 02.08.2029 № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330652/13a7c68c9f4d4574d832e9fec1dce6009a8bab70/?ysclid=moytm65q9c134899840 (дата обращения: 09.05.2026).

[4] Бауман З. Индивидуализированное общество/Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. - М.: Логос, 2005. - 390 с.

[5] Демкин В.О. Цифровая личность и цифровой образ человека: характеристика и место понятий в системе смежных категорий // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 3. С. 512–527.

[6] Ефимова Л.Г. Цифровая личность как способ присутствия субъекта права в киберпространстве // Вестник Университете им. О.Е. Кутафина (МГЮА). -2025, №4. – С. 32-41

[7] Козлова Е. Г. Формирование профессиональной идентичности личности в современной культуре: автореферат дис.... кандидата культурологии 24.00.01 - Санкт-Петербург, 2016. - 31с.

[8] Кондаков А.М., Костылева А.А. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2019. Т. 16. № 3. С. 207–218.

[9] Крайнов А. Л. Цифровая идентичность как условие бытия человека в цифровом обществе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 137-141.

[10] Ларионова С. О. Интернет-зависимость у студентов: вопросы профилактики / С. О. Ларионова, А. С. Дегтерев // Педагогическое образование в России. — 2013. — № 2. — С. 232-239.

[11] Марченко В. В. Концептуальный комплекс «идентичность-тождество-единство» и его методологическая роль в социально-философском исследовании: диссертации ...кандидата философских наук: 09.00.11 – Самара, 2000. - 219 с.

[12] Персидская О.А. Культурно-историческая теория как методологическая рамка типоло-

гизации цифровой идентичности // Социальная психология и общество. 2024г. том 15. №4 -С59-74 (С.63-64).

[13] Романовская Е. В. Идентичность и традиция // Тамбов: Издательство ГРАМОТА, 2016, №12 – С. 146-149.

[14] Сметанина Т. А., Ключев А. А. Метафизика эскапизма: поиск ускользающего смысла // Тамбов: Грамота, 2017. № 1(75) С. 183-185.

[15] Солдатова Г.У., Войскунский А.Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики. // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2021. Т. 18. № 3. С. 431–450.

[16] Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Вишнева А.Е., Теславская О.И., Чигарькова С.В. Рожденные цифровыми: семейный контекст и когнитивное развитие. – М.: 2022. – 356 с.

[17] Тэрнер В. Символ и ритуал : [Пер. с англ.] / В. Тэрнер; [Вступ. ст. В. А. Бейлиса, с. 7-31]. - Москва : Наука, 1983. - 277 с.

[18] Труфанова Е.О. Эскапизм и эскапистское сознание: к определению понятий // Философия и культура 2012, №3 (51) – С. 96-107.

[19] Чичерина Н.В., Стрелкова С.Ю. Метафоры цифровой идентичности // TerracLinguistica. 2022 Т. 13 № 2 С. 30–38.

[20] Шакирова Г.Ф. Психологические особенности гаджет-зависимости учащихся / Г. Ф. Шакирова // Казанский педагогический журнал. 2020. № 1(138). С. 217-224.

[21] Carnagey N., Anderson C. Violent video game exposure and aggression: Department of Psychology Iowa State University, Ames, IA, USA, 2004; 45:1-18.

[22] Johnson GM, Pupilampu P Conceptual framework for understanding the effect of the Internet on child development.. - Canadian Journal of learning and Technology, 2008. P. 19-28.

[23] Cheney-Lippold John, We Are Data: Algorithms and the Making of Our Digital Selves (New York: NYU Press, 2017, \$27.95). Pp. 320.

[24] Brubaker R. Digital hyperconnectivity and the self // Theory and Society (2020) 49:771–801.

[25] Sullivan C., Digital identity – From emergent legal concept to new reality, 2018, Computer Law & Security Review, V.34, № 4, P. 723-731.

[26] Обзор статьи «Digital identity – From emergent legal concept to new reality». Автор: Sullivan C. // НИУ ВШЭ. URL: <https://pravo.hse.ru/digitalperson/digitalidentity?ysclid=morb2f6of6529924016> (дата обращения: 04.05.2026).

[27] ContDict.ru. - латинский словарь и переводчик. URL: <https://www.contdict.ru/перевод/русский-латынь/%22человек+ищущий%22> (дата обращения: 06.05.2026).

[28] Black Maria «Кино Убийственные блогеры и опасности соцсетей» // Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/acojFiaza0Mx4Nta?ysclid=moymmm6hven661461617> (дата обращения: 09.05.2026).

References:

[1] Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ (as amended on December 29, 2025) "On Information, Information Technologies, and Information Protection" // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/9ab7abe2b9fe407f-507610f7e6e14a951d575585/ (accessed on April 14, 2026).

[2] Federal Law of August 8, 2024 No. 303-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Communications" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (with amendments and additions) // SPS Garant. URL: <https://base.garant.ru/409494213/> (accessed: 08.05.2026).

[3] Federal Law of 02.08.2029 No. 259-FZ (as amended on 08.08.2024) "On Attracting Inflows Using Investment Platforms and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330652/13a7c68c9f4d-4574d832e9fec1dce6009a8bab70/?ysclid=moytm65q9c134899840 (accessed: 09.05.2026).

[4] Bauman Z. Individualized Society / Translated from English edited by V.L. Inozemtsev. - M.: Logos, 2005. - 390 p.

[5] Demkin V.O. Digital Personality and Digital Image of a Person: Characteristics and Place of Concepts in the System of Related Categories // RUDN Journal of Law. 2024. Vol. 28. No. 3. Pp. 512–527.

[6] Efimova L.G. Digital Personality as a Mode of Presence of a Legal Subject in Cyberspace // Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). -2025, No. 4. – P. 32-41

[7] Kozlova E. G. Formation of a Person's Professional Identity in Modern Culture: Abstract of a Candidate of Cultural Studies Dissertation 24.00.01 - St. Petersburg, 2016. - 31 p.

[8] Kondakov A. M., Kostyleva A. A. Digital Identity, Digital Self-Identification, Digital Profile: Statement of the Problem RUDN University Bulletin. Series: Informatization of Education. 2019. Vol. 16. No. 3. Pp. 207-218.

[9] Kraynov A. L. Digital Identity as a Condition of Human Existence in a Digital Society // Bulletin of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. 2024. Vol. 24, issue 2. Pp. 137-141.

[10] Larionova S. O. Internet addiction in students: prevention issues / S. O. Larionova, A. S. Degterev // Pedagogical education in Russia. - 2013. - No. 2. - Pp. 232-239.

[11] Marchenko V. V. The conceptual complex "identity-sameness-unity" and its methodological role in socio-philosophical research: dissertations ... candidate of philosophical sciences: 09.00.11 - Samara, 2000. - 219 p.

[12] Persidskaya O. A. Cultural-historical theory as a methodological framework for the typology of digital identity // *Social Psychology and Society*. 2024. Vol. 15. No. 4 -P59-74 (Pp. 63-64).

[13] Romanovskaya E. V. Identity and Tradition // Tambov: Gramota Publishing House, 2016, No. 12 – pp. 146-149.

[14] Smetanina T. A., Klyuev A. A. Metaphysics of Escapism: The Search for Elusive Meaning // Tambov: Gramota, 2017. No. 1(75) pp. 183-185.

[15] Soldatova G. U., Voiskunsky A. E. Social-cognitive concept of digital socialization: A new ecosystem and social evolution of the psyche. // *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2021. Vol. 18. No. 3. pp. 431–450.

[16] Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Vishneva A.E., Teslavskaya O.I., Chigarkova S.V. Born Digital: Family Context and Cognitive Development. – Moscow: 2022. – 356 p.

[17] Turner V. Symbol and Ritual: [Translated from English] / V. Turner; [Introduction by V.A. Beilis, pp. 7-31]. - Moscow: Nauka, 1983. - 277 p.

[18] Trufanova E.O. Escapism and Escapist Consciousness: Towards a Definition of Concepts // *Philosophy and Culture* 2012, No. 3 (51) – pp. 96-107.

[19] Chicherina N.V., Strelkova S.Yu. Metaphors of Digital Identity // *TerracLinguistica*. 2022 Vol. 13 No. 2 Pp. 30–38.

[20] Shakirova G.F. Psychological Features of Students' Gadget Addiction / G.F. Shakirova // *Kazan Pedagogical Journal*. 2020. No. 1(138). Pp. 217–224.

[21] Carnagey N., Anderson C. Violent video game exposure and aggression: Department of Psychology Iowa State University, Ames, IA, USA, 2004; 45:1–18.

[22] Johnson G.M., Puplampu P. Conceptual framework for understanding the effect of the Internet on child development:.. - *Canadian Journal of Learning and Technology*, 2008. Pp. 19–28.

[23] Cheney-Lippold John, We Are Data: Algorithms and the Making of Our Digital Selves (New York: NYU Press, 2017, \$27.95). pp. 320.

[24] Brubaker R. Digital hyperconnectivity and the self // *Theory and Society* (2020) 49:771–801.

[25] Sullivan C., Digital identity – From emergent legal concept to new reality, 2018, *Computer Law & Security Review*, V.34, No. 4, P. 723-731.

[26] Review of the article "Digital identity – From emergent legal concept to new reality." Author: Sullivan C. // *Higher School of Economics*. URL: <https://pravo.hse.ru/digitalperson/digitalidentity?ysclid=morb2f6of6529924016> (accessed: 04.05.2026).

[27] ContDict.ru. - Latin dictionary and translator. URL: <https://www.contdict.ru/перевод/русский-латынь/%22чел+ищущий%22> (accessed: 06.05.2026).

[28] Black Maria "Cinema Killer Bloggers and the Dangers of Social Networks" // *Zen*. URL: <https://dzen.ru/a/acojFiaza0Mx4Nta?ysclid=moymmm6h-ven661461617> (accessed: 09.05.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.